

Тот робкий ребёнок взял миску и стрелой умчался прочь.

«Неладно, — мелькнуло в голове у Цинь Чаншэн. — Беда!»

Несколько уродливых деревенских жителей смотрели на неё, и в их горловом бормотании вдруг слышались странные, чуждые звуки.

Надо было молчать!

Дорога на гору Цзи давно разрушена. Будь здесь способ уйти, разве эти люди сами не сделали бы этого? Судя по всему, они прожили здесь уже много поколений и, наверное, давно забыли, как сюда попали, считая, что весь мир — это лишь вершина этой горы.

Цинь Чаншэн поднялась резким движением. Кровь ударила в голову, в глазах потемнело. Придерживая голову, которая, казалось, вот-вот лопнет, она добавила: «Я кое-что потеряла в лесу, хочу пойти поискать».

Уйти — лишь покинуть территорию этой деревни, а не стать жителем вершины горы Цзи, этого царства живых мертвецов.

Люди снова переглянулись, видимо, с трудом пытаясь понять её слова. Женщина с одним глазом что-то сказала остальным и указала в сторону выхода из деревни.

Цинь Чаншэн с благодарностью кивнула, встала, похлопала себя по ногам, размяла затекшие руки, встряхнулась, чтобы разогнать застоявшуюся кровь.

Жители отступили на несколько шагов и наблюдали за ней издалека — в их взглядах читались и любопытство, и настороженность.

Цинь Чаншэн уже собралась поблагодарить их, как вдруг издалека донёсся нарастающий гул.

Он, казалось, шёл с очень большого расстояния. Цинь Чаншэн застыла на месте, устремив взгляд вдаль.

Там, среди бескрайних горных хребтов и лесов, в небе появилась маленькая чёрная точка, которая приближалась.

Цинь Чаншэн стояла, не двигаясь, и смотрела вверх.

Деревенские жители, видя, что она замерла как вкопанная, в недоумении последовали за её взглядом.

Но они ничего не видели.

Солнце уже взошло, но было ли утро в том мире?

Она посмотрела на часы.

Было десять утра.

Гул нарастал, чёрная точка приближалась. Цинь Чаншэн прикрыла глаза ладонью, сделав из неё козырёк, чтобы лучше разглядеть.

Когда грохот заполнил всё небо над деревенской вершиной, Цинь Чаншэн наконец разглядела,

что это было.

Это был вертолёт!

Быстро вращающиеся лопасти вздымали мощный вихрь. Цинь Чаншэн остолбенела, и первой мыслью было: разве она не в царстве мёртвых? Почему она видит этот вертолёт?

И откуда он здесь взялся?

Она оглянулась. Группа уродливых деревенских жителей по-прежнему с любопытством смотрела на неё, не замечая грохочущей машины в небе. Они стояли на месте, озадаченные тем, почему она вдруг остановилась.

Цинь Чаншэн запрокинула голову и с изумлением пробормотала: «Что происходит? Неужели это помощь, которую мне прислали?»

Вертолёт начал снижаться, но на определённой высоте замер, завис и принялся кружить над лесом, выискивая подходящее место для посадки.

Цинь Чаншэн вспомнила высохшее озеро, дно которого теперь поросло мхом и сухой полынью. Если вертолёту нужно было сесть на вершине горы Цзи, то высохшее ложе озера было бы самым подходящим местом.

Сердце Цинь Чаншэн забило от надежды, и она бросилась бежать в ту сторону.

В вертолёте Юй Инь лежала на заднем сиденье. Пилот, отделённый стеклянной перегородкой, в толстых защитных очках управлял машиной, подыскивая подходящую площадку для посадки.

Госпожа Юй сидела рядом с Цзян Чжунсюэ, сохраняя безопасную дистанцию в два чи. Она держала на руках Юй Инь, а рядом стояло оборудование, наспех взятое из больницы для поддержания дыхания и сердцебиения. На экране пульс Юй Инь по-прежнему отсчитывал ровные удары.

Как и в больнице, её нога была закована в гипс и стальные пластины, а на недавно пришитой ноге была тугая повязка.

Но кое-что отличалось. Когда Цзян Чжунсюэ с букетом белых лилий и невозмутимым лицом вошла в палату интенсивной терапии, Юй Инь, словно почувствовав что-то, открыла глаза, перевела взгляд с белоснежного потолка на лицо Цзян Чжунсюэ — и принялась истошно кричать.

Госпожа Юй и дежурные врачи в комнате наблюдения стали свидетелями всего происходящего.

Цзян Чжунсюэ приставила кинжал к шее Юй Инь и без колебаний провела лезвием, оставив кровавую полосу. Кровь заструилась по клинку, заливая белую подушку. Юй Инь забилась в истерику, крича и плача, пока удар Цзян Чжунсюэ не отправил её в беспамятство.

Та посмотрела в камеру и холодно, с уверенностью произнесла: «Госпожа Юй, предоставьте мне вертолёт. Ваша дочь мне понадобится».

Госпожа Юй сначала испытала шок, затем — ярость.

С Цзян Чжунсюэ договориться было невозможно. Видя, как лезвие кинжала всё глубже

впивается в шею дочери, госпожа Юй стиснула зубы и позволила ей действовать. Цзян Чжунсюэ, взяв Юй Инь в заложницы, поднялась на борт вертолёт. Госпожа Юй последовала за ними.

Оглушённую ударом Юй Инь бесцеремонно швырнули на заднее сиденье. Частный вертолёт семьи Юй был достаточно просторным, и трое пассажиров разместились без тесноты. После взлёта с крыши больницы госпожа Юй, сидя на заднем сиденье, бережно уложила дочь себе на колени, а затем устремила на Цзян Чжунсюэ взгляд, полный ненависти, желая вступить с ней в переговоры.

Не эта ли женщина довела её дочь до такого состояния?

Но переговоры эти были лишь пустыми угрозами. Та, что покалечила её дочь, явно не была добрячком, да и сама госпожа Юй славилась своей злопамятностью — уж она-то точно не собиралась отпустить её с миром.

Лишь бы она с дочерью выбрались живыми, а уж потом можно будет неспешно разделаться с этой тварью.

Вертолёт слегка накренился.

Когда Цзян Чжунсюэ пробудилась в прошлый раз, вертолёты были сугубо военной техникой — она о них слышала, но вживую не видела.

И вот, пробудившись вновь, она обнаружила, как стремительно изменился мир: вертолёты стали удобным транспортным средством для богачей.

Пилот сосредоточенно вёл машину к тому, что казалось котловиной высохшего озера.

Госпожа Юй смотрела на Цзян Чжунсюэ взглядом, полным яда, и сквозь стиснутые зубы выдавила: «Что моя дочь тебе сделала?»

Цзян Чжунсюэ, убрав кинжал за пояс, коротко ответила: «Ничего».

Госпожа Юй на миг опешила, а затем ненависть в её глазах вспыхнула с новой силой. Она едва сдерживала бешенство, и слова вырывались у неё сдавленным, злым шёпотом: «Иньинь не сделала тебе ничего плохого! Это ты заставила её подняться на эту гору! Какая между вами вражда? Зачем ты её так мучаешь? Она уже ногу сломала, а ты всё не отстаёшь?»

Её охватила истерика. Прижимая к себе спящую дочь, она прошипела: «Знай, наша семья Юй тебя не простит! Я, Юй Чи, держу слово! Мне плевать, кто ты такая, но я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родилась на этот свет!»

На её лбу вздулись вены, глаза налились кровью. Вся её обычная сдержанность и холодная вежливость исчезли, обнажив искажённое яростью, почти звериное лицо.

Как мать-зверь, защищающая своё дитя.

Цзян Чжунсюэ лишь кивнула и спокойно произнесла: «Тебе меня не убить».

Госпожа Юй от злости чуть не лопнула. Её трясло, она с трудом сдерживалась, прежде чем, схватившись за виски, проскрежетала сквозь зубы: «Чего ты тогда хочешь?»

Цзян Чжунсюэ, прекрасная и отстранённая, с букетом белых лилий в руках, выглядела как

неземная красавица, пришедшая навестить тяжелобольную родственницу. Дежурившие медсёстры так и застыли, замороженные, даже мысли не допуская о плохом.

Пока Цзян Чжунсюэ не разжала пальцы. Букет упал, стеклянная ваза разбилась с хрустальным звоном, осколки рассыпались по полу. Под пронзительные крики Юй Инь она шагнула вперёд, хрустя осколками, подошла к койке в палате интенсивной терапии и одним ударом разнесла аппарат искусственной вентиляции лёгких.

<http://bllate.org/book/16269/1464396>